

Вл. Гусев заметил, что К. принадлежит к типу универсального литератора, который может работать в самых разнообразных жанрах, видах и даже родах лит-ры: «Конечно, он не чужд и „эксперимента“ („Странная проза“ и др.), но яблоки у него — это яблоки, с их красотой и тайной, рыбалка — это рыбалка, с тайной воды и ловли („Осенняя рыбалка“), и даже могила это именно земля, могила, с ее не только откровенно потусторонней, но и реально земной тайной („Спрыгни первым в свежую могилу“)...» (Гусев В.— С. 5).

Стихам К. свойственно ярко выраженное лирическое, суггестивное начало, но К. не чужд также и гражданской, и иронической поэзии: «Свобода расправила крылья, / Оружие сдали войска, / И близится рог изобилья!.. / А, впрочем, какая тоска!..» (Планида. С. 41).

В 1997 вышел стихотворный буклет К. «Утопия», в 2002 — сб. избранной прозы «Записки советского миллионера». В центре внимания К.— образ современника, находящегося на распутье. Раздвоенность человеческого сознания, внутренняя неудовлетворенность, трагизм бесповоротно изменяющегося мира — все это составляет эмоциональный настрой рассказов и повестей К.

К. с трепетом взирает на красоту и стройность мира природы: «он начал различать растительность, многоярусно расположенную над ним,— сначала ажурно-салатные, нависшие над самым его лицом елочки папоротника, потом розово-фиолетовые венчики Иванчая, над ними круглолистный, раскидистый куст лещины с молоденькими млечногорькими, если раскусить, только снизу заметными орешками в манжетах чашелистиков» (Записки советского миллионера. С. 151–152).

В конце XX в. К. выступил одним из инициаторов проведения трех писательских конференций под общим названием «Новый реализм», на которых выступал с докладами и сообщениями. Критические выступления К. неоднократно вызвали печатные отклики литераторов самых разных направлений, в полемике с ним участвовали В. Бондаренко, Л. Баранова-Гонченко, П. Басинский, О. Павлов, К. Кокшенева и др.

Сб. стих. К. «Планида» (2003) подвел предварительные итоги многолетней поэтической работы. Сб. состоит из четырех разделов: «Провинция», «Утопия», «Аритмия» и «Иллюзия», в каждом из которых поэт на разных уровнях миропостижения анализирует судьбы мира и человека на рубеже веков и тысячелетий.

К.— лауреат премий ж. «Лит. учеба» — за лучший дебют года (1986) — и «Золотое пе-

ро Московии» (2001). Член Совета по прозе при СП России, обозреватель «Лит. газ.». Живет в г. Дзержинском Московской обл.

Соч.: Проза: Незавершенные уроки. М., 1989; Мертвая река. Таракан. Рассказы // Московский вестник. 1993. № 3–4; Горные вершины // Лепта. 1997. № 38; Штрейфлинг // Наш современник. 1999. № 9; Записки советского миллионера. М., 2002. Поэзия: Утопия. М., 1997; Планида. Кишинев, 2003. Критика: Новые реалии — новый реализм. // Материалы конференции «Новый реализм». М., 1997; Новый реализм: вчера и сегодня // Материалы конференции «Новый реализм-III». М., 2000; Апология литературоцентризма: Сб. критических и публицистических статей. М., 2000; Мы пришли в этот храм зарыдать... Проблема веры в совр. русской поэзии // Лит. учеба, 2002. № 6; «Вот видишь: две разные Леты... Категории пространства и времени в эстетике и самосознании эмигрантской лит-ры»: [Выступление на конференции «Картина мира и человека в лит-ре и мысли русской эмиграции»]. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2003; На огненном кресте // Академия поэзии. М., 2004.

Лит.: Иванова Т. Непомерно новое дело // Огонек. 1986. № 51; Басинский П. Между нами, криминалами // День лит-ры. 1998. № 3; Павлов О. Особенности лит. охоты // Москва. 1999. № 3; Швелелева И. Прыжок из могилы // Московский вестник. 1999. № 4; Ляшева Р. Экзистенция без тормозов // Московский вестник. 2000. № 3; Касымов А. Рай тотальности // НГ Ex libris. 2001. № 1; Smith И. Совр. антиквариат // Новое лит. обозрение. 2001. № 47; Гусев Вл. Явственная проза: [предисл.] // Записки советского миллионера. М., 2002; Шатохина Е. Атмосфера бескрылых времен... // Община. Кишинев, 2003. 19 февр.; Баринова А. Мне часто снится берег Волги... // Московский литератор. 2003. № 4; Загвоздин Г. Это не Рио-де-Жанейро // Алфавит. 2003. № 11; Мурашова Е. Главное — не суетиться // Труд. 2003. 1 апр.; Бондаренко В. Новый реализм // День лит-ры. 2003. 8 авг.; Попов М. Под присмотром худож. вкуса: // Казначеев С. Планида. Кишинев, 2003; Заровнятных О. Новый реализм // Лит. вести. 2004. Июнь. № 77. С. 2.

С. К. Петурин

КАЛЕДИН Сергей Евгеньевич [28.8.1949, Москва] — прозаик.

Родился в семье инженера. Воспитанием занималась мать, переводчица-тюрколог, впоследствии член СП. В одном из интервью К. признавался: «Писателем я становиться не хотел. Я хотел быть ну не столько хулиганом, сколько бездельником, может быть, слегка пьяницей, может быть, не слегка. Я был... совсем бесшабашным. До такой степени, что меня исключили из девятого класса. В основном за прогулы» (Седлецкий В.). В 1967 окончил среднюю школу экстерном. Поступил в Мос-

С. Е. Каледин

ковский ин-т связи, из которого ушел после 1-го курса (1968). Служил в армии (в Ангарске), в стройбате (1968–70), где за послушание был переведен в «исправительную часть»: «Если в обычной части сажать солдата в тюрьму считалось грехом для офицера, то там, куда я попал, это была норма, там специально сажали как можно больше...» (Седлецкий В.). В 1972–79 К. учился в Лит. ин-те им. Горького на отделении критики: «...мать...после того как меня на филфак не взяли, поскольку я не был комсомольцем, определила в Литературный институт, где одно время сама преподавала» (Тимофеева О.). Во время учебы работал могильщиком на кладбище (1976), позже — сторожем и кочегаром в сельской церкви (1986–87). «Я пишу только то, что прожил сам... Завидую тем, кто может что-то приврать. Мне все приходится брать из собственной биографии. Работал могильщиком — появилось „Смирненное кладбище“, был в армии — „Стройбат“, работал истопником и сторожем в деревенской церкви — „Поп и работник“, подрабатывал монтажником и плотником — „Шабашка Глеба Богдышева“, у меня была любовь это „Ку-ку“, „Коридор“ — история моей семьи, „Тахана Мерказит“ (на иврите: центральный автовокзал) — о том, как я ездил к сыну в Израиль и по дурусти „завез“ туда своего соседа по даче — русского дядьку, антисемита, и что из этого получилось...» (Багирова Т.).

В 1978 в качестве дипломной работы в Лит. ин-те К. представил повесть «Смирнен-

ное кладбище» (впервые опубли. в ж. «Новый мир». 1987. № 5). Эта повесть стала дебютом К.

В том же 1987 вышла книга прозы «Коридор», куда вошел одноименный роман-хроника, а также повести «Ку-ку», «Шабашка Глеба Богдышева» и др. Затем появляются повести «Стройбат» (Новый мир. 1989. № 4), «Поп и работник» (Новый мир. 1992. № 11), «Тахана Мерказит» (Континент. 1996. № 87). Традиционно К. принято относить вместе с Л. Петрушевской, О. Ермаковым, М. Палей, О. Габышевым к «натуральному» течению «другой прозы» (М. Липовецкий, Н. Лейдерман, Н. Иванова и др.), восходящему к жанру классического физиологического очерка. Писатели-натуралисты последней четверти двадцатого столетия, как и их предшественники, прежде всего осваивали «темные углы» жизни, описание которых долгое время считалось запретным, исследовали психологию людей «дна» и, как правило, воздерживались от оценок ужасающей обыденности и жестокости повседневных отношений, ограничиваясь констатацией фактов.

Все эти особенности ярко проявились в повести «Смирненное кладбище», герой которой, кладбищенский подсобник Лешка Воробей, мальчишкой убежал от мачехи и отца, жестоко избивавшего умирающую от рака мать. Попал в колонию. После колонии долго скитался, в конце концов завел семью, пристроился работать на кладбище, но все это не означало наступления эпохи хотя бы относительного благополучия. Лешка пил, пила его жена, брат, пили друзья и подруги. После того, как, «набравшись до бессознательного состояния, родной брат проломил Лехе череп, он почти перестал видеть и слышать».

К. скрупулезно собрал мельчайшие подробности существования своего героя: подробно описал процесс рытья могил, установки памятников, сооружения цветников. Он создал картину мира, в котором «отменены» нормы человеческого общежития и действуют свои особые законы. Так, бывший фронтовик в этом мире совершенно спокойно может нацепить кладбищенский веночек на бездомную собаку, а сам Леха не менее хладнокровно ради собственной забавы заталкивает эту же собаку в печь.

Описывая эти ужасы, К. не морализирует. Он только намекает на существование едва уловимой связи между страшной кладбищенской повседневностью и системой общественного бытия за оградой. Описанная в повести ситуация однако не представляется абсо-

лютно безысходной. Критика неоднократно обращала внимание на символичность финальной сцены (в день своего 30-летия Лешка Воробей взбирается на колокольню), усматривая в этом жесте героя пусть не осознанное, но стремление человека «дна» подняться над «мерзостями» собственной жизни.

В повести «Стройбат» К. также обращается к запретному в доперестроечные времена материалу — неуставным отношениям в армии, хотя открытие темы принадлежит В. Рыбакову («Тяжесть») и Ю. Полякову («Сто дней до приказа»).

Творческая индивидуальность К. выражается в склонности к изображению острейших социальных конфликтов, во внимании к бытовым деталям и мельчайшим житейским подробностям, которые, с одной стороны, непосредственно влияют на формирование психологии персонажей, а с другой — способствуют ее проявлению.

Стилистическая манера К. отличается почти абсолютной, поэтому не всегда худож. оправданной свободой в использовании жаргонных лексических пластов.

Прозу К. называли «провокативной» и «бездуховной» (Е. Ознобкина), «остросоциальной, но почти не претендующей на художественность» (В. Курицын), «чернухой» (А. Марченко), обвиняли в «нарочитости», «грубости» и «вычурности» (В. Коробов). В. Быков, считая К. «остроконфликтным автором», писал, что «правда жизненных отношений для него главное всего» и что «правда эта у Каледина, как правило, весьма горька, иногда до отвращения неприглядна... мы не привыкли к такой шокирующей правдивости...».

Сам К. признавался: «Меня всегда привлекала жизнь, которая находится ниже ватерлинии. Это давнишняя традиция в литературе — жизнь маленького человека ... Не то, что это сплошная божатина, проституты, бандиты. Просто незаметный серый человек, не умеющий о себе рассказать» (Седлецкий В.).

Л. Аннинский называл К. «первооткрывателем, смелым разведчиком», заглянувшим «в такие углы, в какие до него литераторы не рисковали соваться». К. нарушает «тематически табуированное социально-историческое пространство» (Н. Иванова), изображая мир «дна», открывает для читателя неизвестные стороны жизни. В его произведениях идет своеобразное «заигрывание со злом». Так, если К. изображает стройбат, то не обычный: туда свозили «погань» («Стройбат»). Это армия с запахом шаламовских лагерей, где то и дело прорывается довлатовское «ад — это мы

сами». К. признавался, что «если и прислушивался к чьим-то интонациям, то это Солженицын, Довлатов...» (Багирова Т.).

Вик. Ерофеев писал: «В литературе, некогда пахнувшей цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь». У К. читатель то и дело ощущает запахи старости, войны, трупов, а повесть «Стройбат» начинается с того, как «Костя нагружал тачку отдолбленным дерьмом».

У К. преобладает интонация безнадежности, уверенность в отсутствии в жизни справедливости и логики: «Не выводить дерьмо на чистую воду, а лить отсюда!» («На подлодке золотой»). В прозе К. нет «подводных течений» и «метафизических планов», это непрерывная смена простых бытовых ситуаций. В режиме быстрого действия мелькают черточки сегодняшней реальности. Таким образом, создается своеобразная атмосфера недоговоренности. «Нам дана лишь возможность — увидеть все со стороны. Случайную жизнь, переходящую на пленку случайного кинематографа» (Ознобкина Е.). Все это дало Е. Ознобкиной основание назвать прозу К. «кинолитературой нашей жизни».

Проза К. колеблется между «„черным“ отчаянием и вполне циничным равнодушием» (Ерофеев В. Русские цветы зла // Русские цветы зла. М., 1998). В «Коридоре» К. встречаются очень характерные для автора высказывания: «А Романа Михайловича нету дома. Романа Михайловича убили, на днях»; «Мертвая девочка, рост 41 сантиметр, вес три сто, самочувствие удовлетворительное. Следующий». Ирония К. граничит с черным юмором. Так, герой повести «На подлодке золотой» сочиняет стихи: «Нет, весь я не умру и не просите» или «О смысле жизни: никакого смысла».

Герой К.— «маленький человек», но со сложным внутренним миром, для которого не совсем обесценились такие понятия, как любовь, дружба и честь. Для героев «Стройбата» необыкновенно важным оказывается понятие «земляк» (в повести — «земеля»): «...даже подумать страшно, как бы он мог служить без земляка на КПП. Вон вчера Валеркин молодой на себе его волок, а ведь всех бухих Валерка сперва сам отоваривает на КПП, а потом сдает на губу».

К.— приверженец эстетики эпатажа и шока. Жесткость письма — основной худож. принцип его прозы. О стиле К. Л. Аннинский писал: «...тут горячка. Не „мазки“, а „удары“ или, лучше сказать, „уколы“ слов. „Уколы“, от которых ткань вокруг и горит, и немеет. „Блокада“ жаргонная, а за ней — жар,

гон...». Так, в «Смирненном кладбище» сцены кладбищенского быта выписаны с такой скупостью и натуралистичностью, что производят эффект «шоковой терапии».

Однако К. постепенно выводит читателя из характерной для его ранней прозы «беспросветности» и экзотичности. Уже «Коридор» К.— это «и ностальгия, и связь поколений, и вообще проход по нашей коридорной жизни». Здесь «нет ничего суперэкзотического, нет армейской муштры или церковного быта, нет многого из того, что я вкладывал в свои повести» (Багирова Т.). Последняя повесть К. «Тахана Мерказит» — веселая и печальная. Здесь привычные калединские интонации окончательно меняются, К. отходит от ужасов совр. российской действительности, рассказывая о жизни русских эмигрантов в Израиле.

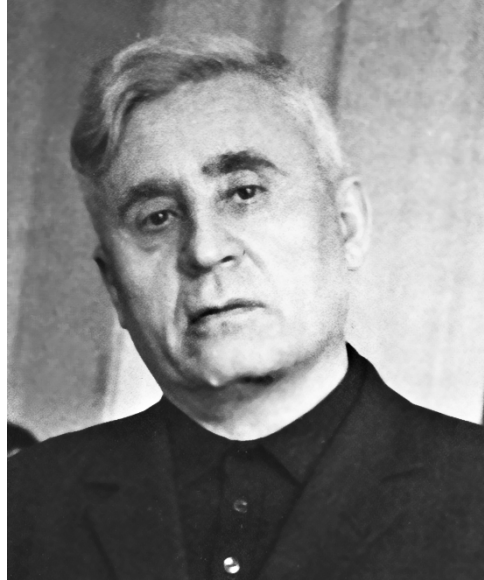
Творчество К. невелико по объему: «Мне всегда хотелось написать как можно меньше страниц», — признавался писатель (Багирова Т. Непрофессионал), однако его произведения популярны и издавались на английском, иврите, немецком, французском и др. яз. Повесть «Смирненном кладбище» экранизирована (1989, реж. А. Итыгилов), а по «Стройбату» в 1990 режиссер Л. Додин в Ленинградском Малом драматическом театре поставил спектакль «Гаудеамус».

К. был членом исполкома Русского ПЕН-центра (1989–94). В настоящее время живет и работает в Москве.

Соч.: Смирненном кладбище. Стройбат: повести. М., 1991; Шабашка Глеба Богдышева. М., 1991; Поп и работник. М., 1994; Тахана Мерказит // Континент. № 87. 1996; Коридор. М., 1999.

Лит.: Латынина А. Жесткая проза // Лит. газ. 1987. № 24; Аннинский Л. Бедный Йорик // Дружба народов. 1988. № 5; Шкловский Е. Идущие вослед // Знамя. 1988. № 4. Апр.; Быков В. Обоснованная тревога // Знамя. 1989. Авг.; Липовецкий М. Свободы черная работа // Вопр. лит.-ры. 1989. № 9; Иванова Н. Намеренные несчастливцы? (О прозе «новой волны») // Дружба народов. 1989. № 7, 8; Курицын В. Четверо из поколения дворников и сторожей // Урал. 1990. № 5; Писатели России: Автобиографии современников. М., 1998; Ознобкина Е. Случайный кинематограф жизни // Октябрь. 1999. № 7; Тимофеева О. Надо почесать то, что чешется... // Огонек. 2000. Март. № 10; Багирова Т. Непрофессионал // Алфавит. 2000. № 5; Седлецкий В. В Англии русского писателя приняли за голливудскую кинозвезду // Друг для друга. 2001; Лейдерман Н., Липовецкий М. Совр. русская лит.-ра: в 3 книгах. М.: УРСС, 2001. Кн. 3; Топоров В. Заметки лит. скандалиста // Лит. газ. 2001. 6–12 июня. № 23.

М. В. Смирнова

А. В. Калинин

КАЛИНИН Анатолий Вениаминович [9(22).8. 1916, ст. Каменская-на-Дону Области Войска Донского] — прозаик, поэт.

Родился в семье учителей. В годы Гражданской войны отец был членом волостного революционного комитета, участвовал в реквизиции имущества у богатых, налаживал занятия в школах. В раннем детстве мальчик стал свидетелем нападения бандитов на их дом, выручила мать, первая выстрелившая из нагана. Места проживания семьи, всегда связанные с донской землей, обусловили близкое знакомство с бытовым укладом и культурой казачества. Позже К. вспоминал: «Если то, что обычно принято называть творчеством, начинается с поиска... гармонии музыки жизни с музыкой слова, то где же впервые и можно было вслушаться в эту гармонию, как не в казачьей песне». Впечатления раннего детства и стиль жизни семьи определили активную жизненную позицию К. В 12–13 лет К. организовал пионерский отряд и стал первым его председателем, писал тексты для отрядной газ. 16-летний К. сотрудничал в новочеркасской районной газ. «Знамя Коммуны». Первые худож. публикации (стихи и рассказы) состоялись в краевой газ. «Молот», но писатель впоследствии назвал их «плохими и поверхностными».

В 1935 К. как способного журналиста пригласили на работу в «Комсомольскую правду». Он был собственным корреспондентом в Армении, Кабардино-Балкарии, на Украине, на Дону. В 1938–39 работает над